"ГЕЙДАР АЛИЕВ БЫЛ РОЖДЕН ЛИДЕРОМ"

От редакции:

10 мая 2018 года исполняется 95 лет со дня рождения общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиева.

"Мир литературы" начинает публикацию серии материалов, посвященных взаимоотношениям и дружеским связям выдающегося политика с деятелями литературы и искусства. Эти материалы любезно предоставлены нам известным азербайджанским писателем-публицистом, лауреатом Государственной премии страны Эльмирой АХУНДОВОЙ.

Беседа с Назимом Ибрагимовым,

директором издательства "Азербайджан" с 1993 по 2005 год

Эльмира Ахундова: - Расскажите, пожалуйста, о ваших поездках в Нахчыван в период пребывания там Гейдара Алиева. С какой целью вы туда ездили?

Назим Ибрагимов: - Во-первых, поездки совершались по инициативе самого Гейдара Алиевича Алиева. Он пригласил меня в декабре 1992 года. Это была моя первая поездка в Нахчыванскую Автономную Республику. До этого мы с ним встречались на съезде Союза писателей в марте 1991 года в Баку. Тогда весь зал филармонии был полон, но к нему мало кто подходил. Подходили единицы - вы, Эльмира ханум, Сабир Рустамханлы, еще некоторые. Но таких были единицы, а многие из тех, кто в свое время пользовались его вниманием и восхваляли его, боялись подойти к нему. Я был приглашен на съезд Анаром как член Союза писателей. Мы сидели почти рядом, и когда Анар пригласил его на трибуну, он встал и сказал:

- Я столько лет смотрел на вас сверху, позвольте теперь посмотреть на вас глазами рядового человека снизу.

Эта фраза еще больше повысила его авторитет, а также поддержку среди интеллигенции, в которой он тогда так нуждался.

Гейдар Алиев позвонил Рафаэлю Аллахвердиеву:

- Найди Назима Ибрагимова и свяжи его со мной.

Мы поговорили с Гейдаром Алиевичем по телефону. Рафаэль тогда работал управделами Международного банка Азербайджана. Гейдар Алиев сказал мне, чтобы я приехал в Нахчыван. Я уже знал, в чем дело, потому что мы поговорили по телефону, но Гейдар Алиевич хотел дать какие-то дополнительные рекомендации лично, с глазу на глаз. Рафаэль взял нам билеты, и в декабре мы полетели в Нахчыван.

Мы встретились в кабинете Гейдара Алиева, долго беседовали. Он сначала расспрашивал об обстановке в Баку, рассказывал о создании партии, о ее целях и задачах. Дело в том, что при создании партии ее активисты не знали меня, и вообще, людей из его старой команды. В то же время им нужны были организаторы, люди со связями в различных сферах. Гейдар Алиевич не мог, находясь в Нахчыване, всего сделать сам.

Гейдар Алиев сказал:

- Никто не хочет печатать устав и программу партии. А ты же понимаешь, что без программы и устава, которые пойдут в массы, одними газетными статьями нельзя создать дееспособную партийную структуру. Ты сможешь это сделать?

- Сделаю, - ответил я.

Тогда руководители Народного фронта были обозлены на Гейдара Алиева, ему и его сторонникам всюду перекрывали кислород.

Гейдар Алиевич сказал:

- Я обязательно буду в Баку в феврале будущего года, но к тому времени тексты должны быть отпечатаны на азербайджанском и русском языках.

Мы с Рафаэлем достали деньги (Рафаэль в этом деле очень помог). Тогда в Баку было очень трудно с бумагой. Мы нашли несколько рулонов бумаги и в типографии №3 подпольно отпечатали брошюры. Напечатали 15 тысяч экземпляров на азербайджанском и пять тысяч на русском языке.

Гейдар Алиев остался очень доволен. То есть благодаря своим старым связям я вместе с Рафаэлем Аллахвердиевым сделал то, чего не могли сделать основатели партии.

Тут надо отметить талант Гейдара Алиева, который в нужный момент вспоминал о нужном кадре и умел задействовать его потенциал. Он же не задумывался, состою ли я членом партии. Я, кстати, до сих пор не состою в партии "Ени Азербайджан".

А тогда мы все отправили в Нахчыван, потом он дал Рафаэлю указание, куда и как эти материалы рассылать.

Вспоминается также февраль 1993 года, когда он приехал в Баку посетить могилу своего брата Гасана Алиева.

В Наримановском районе был Институт техники безопасности нефтяной промышленности. Штаб-квартира партии "Ени Азербайджан" располагалась в этом институте. В феврале мы там несколько раз собирались. Гейдар Алиевич сам проводил эти собрания. Я на этих собраниях присутствовал постоянно, как человек, уже близкий партии.

На собраниях говорилось о положении в республике, о роли партии. Гейдар Алиевич говорил о том, что партия должна сыграть свою историческую роль, что когда ему предложили создать ее, он долго думал, стоит ли начинать все это. "Это для меня было очень важно, - говорил он, - потому что я много лет был членом и руководителем коммунистической партии. Моя идеология не изменилась, потому что компартия имела в своем активе прекрасные идеи, и я не могу от них отказаться. Я искренне верил в это. В прежние годы в партию верили честно и искренне. Это потом все изменилось".

Гейдар Алиев давал присутствующим слово, они выступали, и он внимательно слушал их. Он давал возможность выступить всем желающим, потому что хотел получить правдивую информацию непосредственно от этого человека. Гейдар Алиевич вообще был человеком, умеющим получать нужную ему информацию. Он никого никогда не прерывал, даже если человек, скажем, говорил пятнадцать минут. А ему было достаточно тридцати секунд, чтобы все понять.

После собрания мы поехали в Аллею почетного захоронения. По дороге к нему присоединилось очень много людей.

К тому времени уже существовала партия, были распространены программа и устав, проводились собрания в Баку, в районах республики. Информация об этом слухами расходилась в народе, и все это расшатывало веру в Народный фронт.

Э.А. - Когда вы увидели его в Нахчыване - это был тот же Гейдар Алиев, которого вы знали в семидесятые-восьмидесятые годы, или это был уже другой человек?

Н.И. - В его глазах появились искра и какая-то надежда. Я тоже к тому времени был уже не молодой. Когда он меня пригласил, и мы говорили, я понял одно - в нем возродились вера и надежда. Это уже был не нахчыванский спикер, в нем опять заговорила человеческая глыба. Чувствовалось, что он нацелен на большие дела для своей страны. Я был тогда безработным, но он не только пригласил меня туда, но и оплатил все мои расходы, а когда я возвращался, мне еще и подарки положили.

Э.А. - Изменился ли Гейдар Алиев по сравнению с советским периодом?

Н.И. - Абсолютно не изменился. Мы тогда говорили о Карабахе, о том, что происходит со страной. Он очень сожалел о том, что произошло в республике, он бы этого никогда не допустил. Мельком коснулись и вспомнили Кямрана Мамедовича Багирова, которого он очень любил. Он знал, что мы с Кямраном друзья детства, поэтому особенно этой темы не касался.

Э.А. - Расскажите о следующих встречах с Гейдаром Алиевым.

Н.И. - Если это касается нахчыванского периода, то следующая моя встреча состоялась в начале мая 1993 года. В этот период он, очевидно, поручил брату Джалалу осуществлять с определенными людьми контакты. И Джалал муаллим приглашал меня просто поговорить в свой маленький кабинет в Институте ботаники. Чувствовалось, что он собирает от верных людей информацию для Гейдара Алиева. Потому что Джалал Алиев приглашал людей, которые были нужны Гейдару Алиевичу и которых тот хорошо знал. Я, например, до этого не был с Джалалом Алиевым в близких отношениях. Но он поручил, и Джалал муаллим поддерживал со мной связь.

В мае мне звонит Ризван Вагабов, преданный Джалал муаллиму человек. У него была старенькая машина "Жигуленок". Он спрашивает у меня:

- Ты поедешь в Нахчыван 9 мая на 70-летие Гейдара Алиевича?

- Поеду, - говорю я.

- Тогда Джалал муаллим предлагает вам поехать вместе.

Они сами купили билеты. Утром приехали за мной. Джалал муаллим сказал, что они возьмут еще и Зию Буньятова. Когда мы подъехали к дому Зии Буньятова, увидели развевающийся на его балконе флаг. Ведь в 1992 году Народный фронт отменил празднование 9 мая. А Герой Советского Союза Зия Буньятов в знак протеста повесил на балконе флаг. Мы посигналили ему, Зия муаллим вышел, и мы все поехали в аэропорт.

Видимо, Народный фронт имел какую-то информацию о нашей поездке, потому что по дороге в аэропорт нас раза три останавливала машина ГАИ. Уже когда мы повернули к аэропорту, молодой гаишник в кожанке опять останавливает нас.

Зия надел звезду Героя. Джалал муаллим начал нервничать. А он, если вспылит, то может испортить все дела. Я говорю Зие:

- Ты при Звезде, выйди, поговори с ним, а то если Джалал муаллим рассердится, будет хуже.

Зия вышел. Тот парень, гаишник, растерялся. По всей видимости, они получили команду задержать нас, чтобы мы опоздали на самолет. Зия подошел к гаишнику:

- Ты взрослый парень, не видишь Звезду? Чего нас остановил, правила мы вроде бы не нарушили.

- Нет, нет, я только документы проверяю, - сказал гвардеец.

Пропусти нас, не мешай, опаздываем на самолет.

Короче, мы успели на самолет. Через час прилетели в Нахчыван.

А в те дни Народный фронт, который контролировал аэропорт, хотел закрыть Нахчыван для гостей Гейдара Алиева. Потому что к нему стали много ездить. В нахчыванском аэропорту при выходе из самолета нас "встречали" два автоматчика - представители Народного фронта. Гейдар Алиев послал премьер-министра Нахчывана Шамсаддина Ханбабаева встретить нас. Мы спускаемся с трапа, у нас требуют документы. Джалал крупным стал шуметь, мол, я брат Гейдара Алиева. Зия спрашивает у проверяющего:

- Ты что, и меня не узнал?

- А вы кто? - спрашивает у меня.

- Я член Союза журналистов России.

- Вы можете пройти.

Странно, наоборот, задерживать или арестовывать надо было именно меня. Я конечно, взялся нас всех пропустить. Шамсаддин приехал на двух машинах и увез нас.

В Нахчыване я увидел Фаттаха Гейдарова. Я его знал еще секретарем райкома и министром культуры. Там же познакомился с Бахадуром Зейналовым и Васифом Талыбовым, которые в те годы выполняли все важнейшие поручения Гейдара Алиева, охраняли и оберегали его. Теперь я понимаю, какая ответственность лежала на этих молодых людях в тот период.

Хотел бы сказать несколько слов и о Шамсаддине Ханбабаеве. Из всех, кто окружал тогда Гейдара Алиева, это был один из самых преданных, порядочных и преданных ему людей.

Мы приехали, нам говорят, что Гейдар Алиев в зале, поздравляет ветеранов Великой Отечественной войны. Решили зайти в зал. Гейдар Алиевич увидел нас и говорит собравшимся:

- Вот, и для вас и Героя Советского Союза из Баку привет. Зия, иди сюда, в президиум.

Зия сел в президиум. В тот день, 9 мая 1993 года, Гейдар Алиевич выделил каждому ветерану по пять тысяч рублей, вручил им ценные подарки. Он много говорил, упоминал каждого из ветеранов поименно, кто, где воевал, чем отличился. Это было здорово!

И вообще это был героический поступок по тем временам, когда официальная власть запретила празднование Дня Победы. Такое может сделать человек, который думает только о хорошем, думает глобально. Он еще тогда видел сегодняшний день.

Когда мероприятие закончилось, он сказал нам троим:

- Пойдемте ко мне.

И мы пошли - Джалал муаллим, Зия и я. Потом подъехал Али Нагиев, подошли Рафиэль Аллахвердиев и Фикрет Исмайлов, тогда члены нахчыванского отделения партии "Ени Азербайджан".

Мы шестеро долго сидели в кабинете Гейдара Алиевича, много беседовали. Он же любил получать информацию. Долго говорил о партии, о том, что он ее создал и что он верит в нее. Мне в нем нравилась одна черта: он ни ругал Народный фронт, вообще не говорил о своих противниках, в оппозиции. Он больше расспрашивал нас о нашей жизни, о жизни Баку. Беседа была долгой. Потом Зия вдруг сказал:

- Хватит, да, Гейдар, у тебя диабет, у меня диабет. Дай нам хоть по стаканчику чая. Мы такую дорогу проделали.

- У меня никакого диабета нет, - ответил Гейдар Алиевич. - Это у тебя диабет. Ко мне приезжали делегации из Ирана, - они тоже хотят вкладывать меня с днем рождения. Сейчас уже вечер, Завтра днем еще увидимся.

Мы вышли от него на улицу. Немного прошли, видим, под деревом висит тушка барана. К нам присоединились Фармаил Мамедов, Рамиз Ризаев. Короче, вечером мы хорошо отдохнули, "посидели".

А 10 мая опять пришли к нему. Мы подарили ему ковер - просто напомнить на которой все отписались. Снова говорили о партии, о многом другом. А потом уже прислали турецкие делегации и еще какие-то гости. Поэтому он сказал:

- Вы идите, а вечером встретимся в гостевом доме.

В гостевом доме все было сделано с таким изыском, как будто мы находились в Париже. Официанты были одеты в черные ливреи. Каких только блюд не было, я, например, впервые попробовал нахчыванскую долму. Гостей было человек сорок - не больше. Вечером приехал сын Гейдара Алиевича - Ильхам. Тамадой выбрали Фармаила Мамедова. Закончилось все в половине третьего ночи. В конце он собрал всех, и мы сфотографировались на память. Гейдар Алиевич поручил подарить каждому из присутствующих фото, но в последующем кто-то решил по-другому.

Главным организатором был Рамиз Ризаев. Они с Гейдаром Алиевичем тогда были очень близки. Рамиз играл в то время большую роль в поддержке Гейдара Алиева во всех направлениях.

У меня были две очень красивые ручки с золотым пером, я их взял с собой в Нахчыван.

Когда мы уезжали, он спросил у меня:

- Ты что, до сих пор не работаешь?

- Я с ними работать не буду, - ответил я.

Он со всеми попрощался, и тогда я протянул ему эти ручки и сказал:

- Гейдар Алиевич, вам дарю две ручки и верю, что все самые важные государственные документы вы подпишете ими.

Уже потом, когда я был генеральным директором издательства "Азербайджан", я впервые подготовил и напечатал предвыборные плакаты для президентской кампании Гейдара Алиева. На них его большой портрет, а на столе лежат те самые две ручки, которые я ему подарил.

Потом я еще раз побывал в Нахчыване 26 мая. Мы встретились с Гейдаром Алиевичем, побеседовали час-полтора. В республике было столпотворение. Уйма народа приехали из Баку. Такое впечатление, что столица переместилась в Нахчыван. Контроля Народного фронта уже не было. По его поведению чувствовалось, что он уже возглавит страну. Он был в красивом костюме, прекрасно выглядел. Это был тот же Гейдар Алиевич, которого мы видели в 1970-е годы.

К тому времени все его воспринимали как спасителя Отечества.

Жизнь подтвердила это. 27 мая я уехал обратно в Баку.

За время пребывания его в Нахчыване я трижды был там и всякий раз видел, как менялись его облик, настроение. Даже в разговоре появлялась прежняя властность, решительность, конкретность.

Э.А. - Как, по-вашему, его возвращение было неизбежным?

Н.И. - Оно было неизбежным. Здесь было много случайного и закономерного. Закономерность заключалась в том, что в республике не оказалось человека, который мог бы стать лидером. Эльчибей не был народным лидером, он был просто хорошим человеком, но этого недостаточно для того, чтобы быть лидером. Для настоящего лидера нужны другие качества. В свою очередь, Народный фронт "отстранил" в сторону интеллигенцию, престижных представителей различных кругов. На места, например, повесили ярлык "партократа".

Словом, в это время в Азербайджане не было лидера. Одни, как известно, вытеснили, другие не достигли до лидерского уровня Гейдара Алиева. Каждый человек должен знать свое место. Гейдар Алиевич с рождения был лидером. Даже если бы он оказался в Кедеки, он и там начал бы свою большую организаторскую работу.

Э.А. - А когда он вас назначил в "Азербайджан"?

Н.И. - В сентябре 1993-го. По возвращении в Баку он пригласил меня. Он приглашал меня два раза через Дилу Шамиль Гидаятову. Мне позвонили и сказали, что в одиннадцать часов я должен быть у него. Он тогда еще не был президентом. Гейдар Алиев предложил мне два-три поста, но я не соглашался, возраст был уже не тот. Потом буквально через день меня снова вызвали. И тогда он предложил мне стать генеральным директором издательства "Азербайджан". Меня пригласил Дилу Шамиль, я был у вас в кабинете, когда позвонил Гейдар Алиев. Обстановка тем более неформальная, и то время была очень сложной.

Гейдар Алиев спросил:

- Ну, как?

- Как скажете, я согласен, но...

- Вечно у тебя бывает "но". Какое "но"?

- Дело в том, что издательство подчиняется Министерству печати и информации. Там обстановка сложная. Начнутся трудности, я обращусь к вам за помощью один раз, а на второй раз уже будет поздно.

- Правильно, у меня своих дел много. Что ты предлагаешь?

- Я предлагаю отделить это издательство и подчинить его президентскому аппарату.

Гейдар Алиев сразу поддержал это предложение.

И в тот же день он издал два указа: о выделении издательства из состава Министерства печати и информации и подчинении его управлению делами президента и второй о назначении меня генеральным директором. Тогда в беседе я сказал Гейдару Алиевичу, что Министерство печати и информации нецелесообразное и оно обязательно умрет. Так и получилось: в последующем эта структура была ликвидирована.

То есть это именно он перепрофилировал издательство "Азербайджан". Теперь я мог работать самостоятельно, а не в составе Министерства печати и информации. Тем самым мне удалось поднять статус этого издательства и, во-вторых, обрести самостоятельность. Иначе я ничего бы не смог сделать. Подчинение президентскому аппарату было формально, как хозяйственник, я не спрашивал разрешения на любую мелочь. Я был на самостоятельном балансе, мог что угодно покупать, продавать, кого угодно снимать, назначать. И никто в мои дела не вмешивался. Главное, что меня назначил сам Гейдар Алиев, и я должен был оправдать его доверие.

... Мы общались не так часто, однако он знал, что на меня можно положиться, что я его не подведу. Я относился к нему очень искренне много лет. Гейдар Алиев это знал и ценил. Сейчас осталось очень мало людей, которые долгие годы работали под его руководством и знали его не только как гениального руководителя, но и как человека, умеющего сочетать в своих трудных свои дни и постоянно ковать кадры, нужные своему народу.